

О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВАХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ЭЛЛИНО-СКИФСКОЙ ТОРЕВТИКЕ

Орнаментальное изображение Луны. При исследовании эллино-скифского золотого ожерелья с подвесками в виде жёлудей из некрополя Нимфея, находящегося в коллекции Музея Ашмола в Оксфорде, нас, в частности, заинтересовал его модульный элемент – соединительное звено между тоже модульными, относительно крупными, круглыми цветами-розами¹.

Ожерелья, так же составленные схематично, и из подобных же наборных деталей, довольно известны. Конструктивный соединительный элемент представляет собой звено в виде двух тонких серповидных полумесяцев, острые концы которых обращены в разные стороны, охватывая боковые части крупных цветов или ритмически вторя линиям небольших золотых шаровидных бусинок, а выпуклые дуги состыкованы впритык, и поверху, как правило, напаян маленький цветочек, ритмически сочетающийся с крупными цветами. Часто эти маленькие цветочки вообще сделаны так же, как сердцевина с внутренней частью у больших.

Звенья этого типа видятся вспомогательными в ожерельях, часто их роль подчинённая. Отдельные детали выглядят чисто декоративными, конструктивно продиктованными форматом соединительного назначения. Однако, изучая, прослеживая в ретроспекции художественные истоки, мы смогли определить их первоначальный смысл, связанный и с их значением в ожерельях.

Среди памятников ювелирного искусства Финикии есть золотая подвеска VII в. до н.э. (грануляция, филигрань) из клада из Эворы (рис. 1)². Поскольку её детали выполнены реалистически, понятно, что мастер хотел изобразить. В частности, совершенно ясно видны две луны в такой же композиционно-знаковой увязке, как и на звеньях ожерелий. Они сделаны объёмными серпами – примерно как выглядит Луна 4–5–6 дня. Общее впечатление дополняют конструктивно и силуэтно: центральная ось, припаянная к ней

Рис. 1. Золотая подвеска из клада из Эворы.

круглая выпуклая деталь, которая ассоциируется с круглыми цветочками на стыке серпиков полумесяцев на ожерельях, отчасти детали в виде личин. Кроме этого в верхней части подвески закреплено по отдельности три круглых многолепестковых цветочка, очень сходных с розанами на ожерельях.

Древнегреческие ожерелья сделаны по принципу орнамента-бегунца и по восприятию окантовывали одежду у горловины, как вышивка.

Примеры золотых ожерелий:

1) К богатому женскому погребению кургана IV некрополя Нимфея – по Е. Гарднеру (1884 г.), женскому погребению семейной гробницы по публикации А.Л. (вероятно, А. Люценко, работавший в то время директором Керченского музея) в «Древностях» (1869 г.) – относится ожерелье с подвесками в виде желудей. Изделие датируют V ст. до н.э.³

Рис. 2. Ожерелье из Таранто.

Ожерелье составлено из звеньев в виде декоративных рельефных изображений Яцветов с закругленными лепестми, соединенных между собой звеньями, которые их охватывают, с маленькими тоже круглыми цветочками посередине. В целом образуется золотая орнаментальная лента, к которой снизу прикреплены золотые объемные пустотелые желуди одинаковой, натуральной величины. Каждый желудь подвешен под круглой цветочной пластинкой. Между желудями к соединительным пластинкам прикреплены маленькие подвески – амфориски. Хотя на золотой ленте – круглых пластинках и соединительных звеньях – цветочки стилизова-

ны и традиционны для многих подобных изделий, желуди – реалистичны. Вещь смотрится как низка желудей; в золоте уже, разумеется, художественно продуманная.

2) Ожерелье, предположительно, из Таранто (рис. 2). Ок. 380 г. до н.э. (по другому источнику 350–330 гг. до н.э.) Греция⁴. Составлено из пышных трёхъярусных розанов и соединительных звеньев, в которых тонкие лунные серпики декоративно дополнены тонкой ювелирной доработкой – узнаются в основном благодаря аналогиям. Маленькие цветочки на стыке изгибов лунных серпиков такие же как третий, сердцевинный ярус крупных цветов. Это ожерелье можно считать довольно содержательным: к розанам прикреплены крупные объёмные подвески в виде бутонов и

женских головок. На двух из них есть коровьи рога и уши и, следовательно, на них изображена Ио, которую Гера обратила в корову. Ио трактуют и как жрицу Геры. К звеньям с лунными серпиками подвешены маленькие, тоже объёмные, подвески, и тоже в виде головок божества.

3) Ожерелье северогреческого происхождения, найденное в Гомолионе, Фессалия (рис. 3), 330–300 гг. до н.э. В тонком ювелирном изготовлении сочетаются зернь и филигрань. Подобные типы так же чередующихся деталей характерны для изделий северогреческого происхождения⁵. Также составлено из розанов, как и ожерелья из Таранто и из Нимфея. В качестве сердцевинки двухъярусных круглых розанов закреплены шарики. Шарики чуть покрупнее закреплены и в серединах цветочков с лунными серпиками. Богато декорированы подвески – амфориски.

Рис. 3. Ожерелье из Гомолиона.

4) Ожерелье из некрополя Пантикапея, каменная гробница 1854 г. 400–380 гг. до н.э.⁶. К розеткам с лунами подвешены тисненые маски речного бога Ахелоя. К шестилепестковым двухъярусным цветам подвешены ребристые подвески в виде бутонов или семенных коробочек.

Обобщённо по составным деталям и художественно-декоративным качествам ожерелья из Нимфея, Таранто, Гомолиона и Пантикапея можно объединить в одну подгруппу.

5) Ожерелье из кургана Карагодеуашх, Прикубанье, Краснодарский край (быв. Гиагинский район Кубанской области), (тиснение, пайка, филигрань, металлопластика). Меотская культура. Конец IV в до н. э.⁷.

Звенья с полумесяцами имеют плоскостной характер: лунные серпики и все докомпонованные к ним цветочки представляют собой цельные пластинки, при этом именно они доминируют, так как гораздо крупнее объёмных золотых бусин между ними. В середине ожерелья – небольшая подвеска – букраний. Внизу к серединкам лилиевидных цветов между серпиками подвешены маленькие амфориски, к серединкам бусин – композитные ребристые амфорисковидные подвески покрупнее с флористическими чертами. В этом ожерелье луны условны почти как письменные знаки, и узнаваемы только по общей схеме.

6) Ожерелье из кургана Огуз (рис. 4) близ Нижних Серогоз в Херсонской обл., ок. 325 г. до н.э. Также нанизано из почти круглых золотых бусин. Бусины относительно крупные и воспринимаются почти равнозначно со звеньями с полумесяцами. В центре – крупная подвеска в виде головы богини. Звенья с лунными серпиками уплощены, с маленькими

цветочками. Снизу к этим звеньям подвешены интересные маленькие подвесочки в виде женской гермы с крыльями, очевидно – стилизованные изображения скифской крылатой богини («Первоначально герма – каменный столб, путевой знак, позже на верхней его части стали помещать изображение Гермеса – охранителя дорог и путников; со временем гермами стали называть поясные статуи, изображавшие богов и людей»)⁸. Весьма интересный

Рис. 4. Ожерелье из кургана Огуз.

аспект культурного влияния: в представлении скифской знати гермы богини, вероятно, были наделены той же функцией – охранительницы путников. Более древнее изображение крылатой богини есть, в частности, на зеркале из кургана Келермес (2–3 четверти VII в до н.э.).

Композиционными ритмами детали ожерелий очень хорошо увязаны. Не считая подвесок, несущие части ожерелий из курганов Карагодеуашх и Огуз несколько подобны кругловатыми бусинами. По этому признаку они могут быть объединены в другую подгруппу.

7) Геометрической расчерченостью отличаются промежуточные звенья ожерелья из коллекции Британского Музея, 400–350 гг. до н.э.⁹. Они отделаны по контуру рубчатой проволокой и заполнены зелёной эмалью. На них уже даже нет отделённых лунных серпиков; намёк на них можно домысливать только в серповидных рисующих боковых окантовках. Именно в этом ожерелье наиболее ясна простая конструктивная подоснова.

8) Ему довольно близко ожерелье из погребения знатной скифянки в Большом Рыжановском кургане (Черкасская обл.)¹⁰. На этом украшении тонкие лунные серпы узнаются в серповидных деталях, похожих одновременно и на растительные.

Несколько обособленной и весьма интересной находкой является нашивная пластинка в виде схематично такого же, как в ожерельях элемента из кургана Бабина Могила возле села Тарасово-Григорьевка Апостоловского р-на Днепропетровской обл., датируемая 350–300 гг. до н.э.¹¹ Это цельная серебряная пластинка с показанными низким рельефом сдвоенными полумесяцами, шестилепесковым цветком поверх их в центре, и нимфеевидными цветами, заполняющими места между рожками. Рисующие линии рельефа, выразительно – очертания полумесяцев, – проработаны канфаркой. На краях лунных рожек имеются дырочки для пришивания. Все цветы позолочены, серпики лун оставлены серебряными. Таким образом использован живописный приём тепло-холодности, использовавшийся в эллино-скифской торевтике¹². В подвеске это подчёркивает содержание: серповидные формы – это луны, как в ювелирном искусстве Древнего Египта, где лунные серпы изображались драгоценными металлом или сплавом холодных оттенков.

Изготовление в виде отдельной нашивной пластинки с понятными читаемыми составляющими деталями говорят и о самостоятельности этого орнаментально-смыслового мотива.

На всех ожерельях звенья с полумесяцами отличаются тонкостью и четкостью линий. На всех (кроме предпоследнего) показан, в виде тоненького серпика, молодой растущий месяц – примерно 2–3–4 лунных дней (4-й – «День Дерева»), когда закладываются жизненные циклы; и такой же, только повернутый в другую сторону, убывающий месяц – примерно 26–27–28 лунных дней (28-й – «День Лотоса»), когда завершаются ранее заложенные и сделанные программы. На различных ожерельях звенья с лунами значительно стилизованы, и при этом отличаются уровнем стилизации в пределах индивидуальных почерков мастеров, проявленных в изделиях и связанных с использованными техническими приемами, увязкой с цветочными или бусинными звеньями. Слегка отличается геометрическая прорисовка лунных серпиков. Смысл увязан с художественно-декоративными особенностями. Ожерелья наделены чертами доброй магии: лунные циклы посадки растений, лунный календарь, фазы Луны: Луна растущая, Луна убывающая...

Рис. 5. Бактрийское ожерелье.

Среди очевидных подражаний рассматриваемой схеме ожерелье из Бактрийского золота (рис. 5) (золотые предметы, найденные в 1978 г. в Афганистане, в городище Тилля-тепе при раскопках кушанских царских захоронений I века до н.э.¹³). Конструктивное отличие заключается в том, что и круглые – уплощенные, со вставками камней (многие с бирюзовыми), и двоянные серповидные – плоские – звенья закреплены под нанизанными кольцами-петлями. (Такие кольца-петли встречаются на более

ранних этрусских и финикийских ожерельях. Характерны для них и круглые золотые бусины и подвески в виде головок божеств). Ещё ниже к каждому звену подвешена плоская двухъярусная подвеска: звено закругленное сверху и заостренное книзу с плоской каменной вставкой, к которому снизу подвешено круглое плоское. Цвет ожерелья обогащён цветом самоцветов вставок бирюзовых и бордовых.

Его творческой современной репликой является золотое ожерелье с бирюзой и жемчугом созданное ювелирами бренда Gurhan, основанного Гурханом Орхана и его женой Фионой Тили. (Герхэн родом из Турции, но считает себя гражданином мира, жил в Греции, Швейцарии, Франции, а в настоящее время проживает в Нью-Йорке)¹⁴. Ярусы нанизанных и круглых, серповидных деталей практически совпадают. Круглые звенья тоже с бирюзовыми вставками. Отличие в том, что к каждому звену

подвешена каплевидная жемчужина. Хотя это ожерелье тоже не несёт выраженной смысловой нагрузки, в общедизайнерском решении автор, очевидно, обращался к античным и бактрийскому образцам. Ожерелье решено в благородно сдержанной тонко живописной цветовой гамме: лимонное золото, бирюза, белый жемчуг (это колорит снега, освещённого ярким солнцем, с лёгкими тенями).

К античным образцам восходит, наиболее вероятно, ожерелье Святого Януария (рис. 6), сделанное ювелирным мастером Микеле Дато в 1769 году для позолоченного серебряного бюста святого, установленного в капелле, где хранятся его мощи¹⁵. В композиции в центрах цветов-розанов, и круглых и с серпами звеньев, расположены крестовидные формы, но они дополнены и лепестковыми. Ожерелье очень насыщено и по композиции, и по рисунку, и по цвету. Оно изобилует самоцветами. Их невероятная роскошь и витражные цветовые сочетания соответствуют моде того времени и практике в эстетике драгоценностей католической церкви.

Рис. 6. Ожерелье Святого Януария.

Ещё в финикийском искусстве встречаются, так сказать, половинчато-цветочные – силуэтно однотипные изображения: капители колонн глиняной модели финикийского храма с Кипра, 2-й половины 1 тысячелетия до н.э., орнаментальные мотивы статуэтки из слоновой кости

«Африканского мальчика схватила львица», найденной в Нимруде и др. В торевтике же, возможно, уже в ожерельях появился элемент, которого нет на подвеске из клада из Эворы – нимфеевидные цветочки вверх и вниз между острыми краями полумесяцев. Понятно, что технически они предназначены для укрепления конструкции, но композиционно заполняют условный формат, а по содержанию взяты из смысловой структуры изделий.

В эллино-скифской торевтике обнаружилось и это боковое ответвление мотива. Выраженная эволюция в цветочных элементах видна на скифских золотых пластинках. Хотя их силуэты и рельефное исполнение весьма сходны с лунными звеньями ожерелья из кургана Карагодеуаш – содержательное наполнение стало иным, в основном благодаря иначе разработанной середине. Такие части как половинки лунных серпиков в ожерельях, в пластинках уже явно являются лепестками тюльпано- или лилиевидных цветов. Это двоянные цветы – они симметричны по вертикальной и горизонтальной осям. В ожерельях просматриваем уже двоякость этих деталей – они выглядят и как части лунных серпиков и по общей форме как продолжение боковых лепестков цветов. Это достигается двумя осями симметрии: продольной, вдоль которой серповидные детали читаются как луны, и поперечной, разделённые которой они читаются как цветы. Схема художественно модульна. Например, на золотых пластинках из кургана возле села Балки, четыре лилиевидных цветка образуют круглую розетку. Только в центральной части лепестков просматривается общность с лунным серпом, кончики же выражено стилизованы подобно растительным мотивам древнегреческого искусства. Упрощённые цветы изображены попарно рядом на подвесках из кургана возле села Новосёлки Черкасской области¹⁶.

В цветочном виде эти лунно-растительные звенья перешли в ранне-средневековую и скифо-славянскую орнаментуку. «Крины» – устойчивый символ растительной силы. На криновых ожерельях XI–XII – первой половины XIII вв. из кладов и подвесках (рис. 7) видим ту же схему. Ранней видится криновая подвеска на цепочке с Княжьей горы в Каневе. Крины из клада из села Сахновка, Черкасской области¹⁷. Из Киева (усадьба Орлова, 1901 г., усадьба Лескова 1876 г. и др)¹⁸. Лунная символика в них ещё узнаваема, однако, по декоративной стилизации растительная уже начинает преобладать или преобладает. Это тоже орнаментально двоянные или похожим образом стилизованные цветы, распускающиеся бутоны. В Ж-образных изображениях кринов (лилий) видно скифское и протоскифское происхождение.

Христианские мотивы подвески из Канева и кринового ожерелья из Киева явно указывают на цветочные, и глубже – лунные истоки. Сквозь христианские наслоения просматриваются древнее содержание и в згардах – традиционных западно-украинских женских шейных религиозных украшениях-оберегах (наиболее известны XIX-начала XX веков). Среди них есть весьма сходные с криновым ожерельем с крестовидными подвесками. Очень распространена лунная символика, в частности, и в серьгах. Среди народных встречаются входящие в гарнитуры со згардами.

Детали в виде выраженных и сильно стилизованных сдвоенных лун есть в старинных и, сделанных по их образцам – современных, серьгах голубцах и одинацах. Весьма плодотворна тема и в современном ювелирном искусстве. Например: серьги Мэтью Кэмпбелла Лоренца, основателя ювелирного бренда M.C. L Design. «Силянки» (от сила) – «крызы» нанизанные из разноцветного бисера тоже, встречается, сохранили архаичную схему. В частности, на крызе из Закарпатья, конца XIX ст., у горловины расположен узор, в котором просматриваются «розань» и охватывающие их «лунь».

Рис. 7. Кривовая подвеска на цепочке с Княжей горы в Каневе. Крины из клада из села Сахновка.

Кроме нашейных ожерелий и серёг, исключительно интересны бусины ожерелья (золото, сердолик) из клада из Сахновки. На золотых изображены описанные в былине «птицы клеувучие». Они стилизованы так, что точно вписываются в известную схему. Птицы сдвоены, подобно кринам – очертания их крыльев соотносятся с лунами, с розанами соотносятся круглые идеограммы поля. На згардах также встречаются мотивы восходящие к идеограммам поля. Вписываются в схему и некоторые руны и графическое начертание буквы Ж. Интересна руническая и кириллическая буквенная символика, в частности: Живете (от Жизнь), Жива, сохранение любви и др.

Прототипом подобных украшений, как и многих других, безусловно, были разнообразные венки и букеты из настоящих веток, листьев и цветов. Ювелирные изделия созданные по растительным мотивам найдены во многих археологических комплексах Древнего Египта, Древнего Шумера, Эгейского мира, Древней Греции. Очень широко распространены были и лунные мотивы. Символика восходит к древнейшим культам Луны, переросшие в культы Деметры, Артемиды, Селены, Гекаты.

В рассмотренных ожерельях интересно соединение лунной и растительной тем, содержательно наполненное ритмическо-конструктивное чередование форм. Конструктивные лунные звенья удачно расположены как символично-смысловые, художественно-орнаментальные мотивы. Лунны эффектны и выразительны в художественном плане, традиционны, знаково узнаваемы. Круглые цветы, шаровидные бусины, очевидно, могли ассоциироваться с солнцем. В ожерельях сочетается знаковость божественных близнецов – Аполлона-Гелиоса и Артемиды-Селены.

Интересны этнографические параллели в русской народной вышивке Поморья (Каргополье, Архангельщина – куда происходили миграции из южных регионов). Круги – месяцы – вышивали на концах полотенец, подзорах, называемых здесь подвесами, и передниках. Круг состоит из цветка – солнышка и описанного вокруг него незамкнутого кольца – месяца¹⁹. Ещё в семантике особое внимание привлекает то, что в языческих религиях солнце и луна-месяц почитались покровителями брака²⁰. В день летнего солнцестояния, солнце, по поверью, выезжает из своего чертога к луне. Оно пляшет и рассылет по небу огненные лучи. Этот день считался днём брачного союза между солнцем и луной²¹. Некоторые жители Каргопольского района говорят и об иной связи между солнцем и луной-месяцем: их называют братом и сестрой (Сообщила А.В. Колпакова, 86 лет, деревня Река). В Ошевенской и Нифонтовской волостях женщины носили «золотые» платы с изображением светил и звезд (Сообщила М.Д. Попова, 63 года, деревня Река)²².

Интересны находки вышивок на воротниках суздальских мужских рубах: воротник с лунницами и кринами, курган № 50, XI – XII в.; воротник-стоечка с лунницами рожками вверх, погребение № 3²³.

Среди скульптурных прототипов изображений луны на подвеске из клада из Эворы, выделяются вавилонские каменные стеллы с рельефными фигуративными композициями и текстами, в частности: кудурру (небольшая стела религиозного или юридического значения) касситского царя Мелисипака XII ст. до н.э., кудурру XIII ст. до н.э. на котором изображён бог Ану, камень царя Мелисипака II²⁴ и др. На этих памятниках вверху, на условном небе, знаково изображены важные для жителей Месопотамии астральные божества: полумесяц бога Луны Нанна (по-семитски Сина), звезда богини Иштар и солнечный диск бога Шамаша. На этих рельефах лунные полумесяцы изображены очень похожими с золотыми, примерно в такой же фазе. Нанна считался божеством-быком по метонимической ассоциации между молодым месяцем и

рогами. Много изображений астрономических объектов, в их числе лунных серпов, встречается на цилиндрических печатях.

На эгейских артефактах встретилось изображение только с похожими ритмами, например, орнаментальная часть, замыкающая низ композиции, перстня-печатки из Тиринфа, ок. 1500–1400 гг. до н.э.²⁵

Как впитавший скифские истоки интересен традиционный осетинский орнамент, архаические сюжеты которого прошли свой путь развития, отображаясь особой, образной пластикой, передающей зрителю разнообразные мировоззренческие коды древнего традиционного социума. Среди самых консервативных символы астральных знаков, идеи плодородия. Видятся обширные родственные орнаментальные пространства²⁶. Эстетика различных серповидных линий доминирует в традиционных южносибирских и казахских орнаментах; встречаются мотивы, соотносимые с рассматриваемой схемой и на среднеазиатских сюзанах; популярны сдвоенные завитки и на гуцульских коврах и др. Как отголоски древности, видны сдвоенные лунные серпы, в частности на каракалпакских украшениях – пластинчатом браслете «хасыл таслы билезик»²⁷ и нагрудном украшении²⁸.

Среди ювелирных изделий времён классицизма и ампира встречаются по форме и декору очень близкие, но в которых связь с содержанием поверхностна, например: пряжка «Аквamarin», Англия, начало XIX в.²⁹

Таким образом, мотив двух состыкованных выпуклыми дугами лунных серпов, так реалистично показанный на подвеске из Эворы, утвердился в древнегреческих золотых ожерельях и как очень подходящий конструктивный элемент, и как весьма значимый смысловой, в разных ожерельях немного по-разному повествовательно расписанный. Хотя информация крайне отрывочна, можно предполагать, что конструктивно-схематичная контурность продиктовала именно такое расположение двух серпов, которое и как идеограмма вписалось в перебивы астрономической солярно-лунной и растительно-флористической символики.

Не исключено, что такой вид ожерелий может быть связан с древней календарной знаковостью – циклами весенних праздников обновления природы, отмечаемых обрядами почитания Деметры, Персефоны, Хлориды (флоралии), Лето (и в смысле «год»), мифы о которых восходят к догреческим малоазийским корням. Ожерелья могли относиться к аксессуарам костюмов жриц.

Элемент из двух лунных серпов, почти как логографический символ, нашёл продолжение в скифо-славянской традиции, кроме того, очень далёкие отголоски.

Орнамент, происходящий от мотивов плетения растений. Наше внимание привлёк один из орнаментов, встречающийся на изделиях драгоценной эллино-скифской торевтики времён расцвета: чаше из кургана Гайманова Могила, горите из Мелитопольского кургана и др. и памятниках древнегреческой монументальной архитектуры и скульптуры: Сокровищнице Сифносцев, саркофаге сатрапа из Сидона,

«Саркофаге Александра» и др. (рис. 8). Как известно, Сокровищница Сифносцев значительно предшествует роскошной торевтике по хронологии, но главное, как мы показали, истоки многих художественных решений видятся в древнегреческой монументальной скульптуре, а поэтому мы обратились к ней и для изучения этимологии и семантики орнамента.

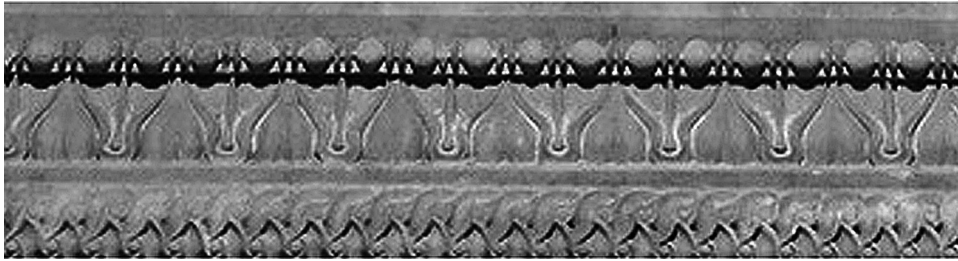

Рис. 8. Орнамент «Саркофага Александра».

Орнамент, казалось бы, не выявляет чёткой эволюции. В комплексах храмового типа и на саркофаге, как модели храма, он предстает уже в готовом виде, служит обрамлением изобразительных плоскостей с рельефами, и почти таким же переносится в торевтику. Не дополняет знания о нём и цветовая раскраска. Однако, в плане очень отдалённого экскурса, просматривается, что его структурно-ритмические особенности, по всей вероятности, восходят к храмово-архитектурным истокам – частям плетеных сооружений.

Рис. 9. Рельеф на каменной стеле святилища Гёбекли-тепе.

Это нашло интереснейшее и довольно убедительное подтверждение в древнем святилище Гёбекли-тепе, на юге Турции (рис. 9). Характер плетения, узлов, конструктивные узловые части ритмически весьма сходны, узлы плетения приблизительно узнаются. Что особенно важно – там плетённый орнамент уже вырублен в виде рельефа на каменной стеле; и он тоже отчасти обрамляет композицию на плоскости. В некотором роде конструктивные элементы уже показаны орнаментально.

Образцами плетения в монументальных культовых

сооружениях являются древнейшие древнеегипетские кумирни, известные по изображениям и отголоскам в последующей архитектуре.

Части эллино-скифской и древнегреческой торевтики с рассматриваемым орнаментом, в частности, золотые накладные орнаментальные ленты на бронзовом панцире и разделительные орнаментальные полосы на горитах из гробницы Филиппа II македонского и из Мелитопольского кургана, окантовка чаши из кургана Гайманова Могила тоже сохраняют функцию обрамления композиционных сцен или конструктивно-декоративных частей (рис. 10). Эти предметы военного снаряжения и вместе с этим декоративно-прикладного искусства тоже наделены определённой тектоникой.

Рис. 10. Орнамент окантовки чаши из кургана Гайманова Могила.

Среди неолитических артефактов есть единичная находка с похожим структурными узлами орнамента – каменный топор 3 тыс. до н.э. из города-государства Мархаши на иранском плато. Мотивы плетения весьма распространены в неолитической месопотамской, средиземноморской, северопричерноморской керамике, а также и в современной, в частности, украинской и среднеазиатской, сохраняющей древнейшую символику, – уругтской.

Стремление реалистично отображать природу характерно для искусства Древней Греции. На подъеме и в период расцвета древнегреческого искусства V-IV ст. до н.э. происходит усиление реалистической линии и местных мотивов в эллино-скифской торевтике. Одновременно можно отметить художественное утверждение выражено идущей от реализма знаковости. Естественно, много интересных находок и на территории Скифии.

Примечания:

- ¹ В декабре 1868 г. при хищнических раскопках некрополя Нимфея было разрушено несколько погребений. Находки не были приобретены для русских музейных собраний и попали в Англию. Часть их хранится ныне в Оксфорде (Ashmolean Museum Department of antiquities). В 2002 г. вышла книга Михаэля Викаерса «Скифские и фракийские древности в Оксфорде»; *Vickers Michael. Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Ashmolean Museum Oxford. 2002. 80 p.* Издание иллюстрировано цветными фотографиями и снова привлекло внимание к этой мало известной у нас коллекции.
- ² Мадрид, Национальный археологический музей.
- ³ Черненко Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея. // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). К., 1970. С. 190–198; Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея. МИА. № 69. Некрополи боспорских городов. М.-Л. С. 5–107, 11, 45–46.
- ⁴ Лондон, Британский музей, GR 1872.6–4.667. <http://ornament-i-stil.livejournal.com/17094.html?thread=57798>
- ⁵ Сокровища мира / Под ред. Дж. Гуадалупи. М., 2001. 336 с.
- ⁶ Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж. Спб, 1854. С. 22.
- ⁷ Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж. Раскопки Е.Д. Фелицина в 1888 г. // ОАК, 1882–1888. <http://fandag.ru/photo/2-0-241>
- ⁸ Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000. С. 163–164.
- ⁹ Лондон, Британский музей, GR 1891.6–27.1 a and b. *Williams D., Ogden J. Greek gold. London, 1994. P. 62, kat. № 15.*
- ¹⁰ Клочко Л.С. Нашийні прикраси скіф'янок (ланцюжки з окремих елементів) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». К., 2014. С. 109–129, 113.
- ¹¹ АІ, инв. № КР-IV-259.
- ¹² Триколенко О.В., Триколенко С.Т. Умовна колористична тепло-холодність у скіфській торевтиці. Срібна з позолотою чаша із кургану Гайманова Могила // Музейні читання: зб. наук. праць. К., 2006. С. 30–39.
- ¹³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Бактрийское_золото
- ¹⁴ http://www.art79.ru/jewelry.php?let=G&brand_id=174
- ¹⁵ Неаполитанская сокровищница. <http://www.softmixer.com/2013/11/blog-post.html>
- ¹⁶ Киев, Музей исторических драгоценностей Украины.
- ¹⁷ Киев, Музей исторических драгоценностей Украины.
- ¹⁸ Киев, Музей исторических драгоценностей Украины.
- ¹⁹ Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригведы. <http://www.kirsoft.com.ru>
- ²⁰ Потембня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М. 1865. С. 231.
- ²¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 76–77.
- ²² Елизаренкова Т.Я. Мир идей Ариев Ригведы. <http://www.kirsoft.com.ru/>

- ²³ *Сабурова М.А. Елкина А.К.* Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля <http://russ-zemlya.io.ua/album553451>
- ²⁴ Париж, Лувр.
- ²⁵ Афины, Национальный музей.
- ²⁶ *Цагарав В.* Осетинский орнамент (Из книги «Искусство и время». Владикавказ, 2003. <http://www.anaharsis.ru/>
- ²⁷ http://sanat.orexca.com/2003-rus/2003-2-2/history_art3-13/
- ²⁸ <http://karakalpakiya.ru/>
- ²⁹ <http://www.liveinternet.ru/>